

КОГНИТИВНОЕ, СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Дмитрий Владимирович ПОПОВ

Доктор филологических наук (DSc), доцент

Андижанский государственный институт иностранных языков

Андижан, Узбекистан

O'ZBEK TILINING RUS TILIKA KOGNITIV, SEMANTIK VA PRAGMATIK TA'SIRI

Dmitry Vladimirovich POPOV

Filologiya fanlari doktori (DSc), dotsent

Andijon davlat chet tillari instituti

Andijon, O'zbekiston

COGNITIVE, SEMANTIC AND PRAGMATIC EFFECT OF THE UZBEK LANGUAGE ON THE RUSSIAN LANGUAGE

Dmitry Vladimirovich POPOV

Doctor of Philological Sciences (DSc), Associate Professor

Andijan State Institute of Foreign Languages

Andijan, Uzbekistan hey-day85@mail.ru

UDC (УО'К, УДК): 811.161.1:811.512.133

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования):

Попов Д.В. Когнитивное, семантическое и pragmaticальное влияние узбекского языка на русский язык // O'zbekistonda xorijiy tillar. — 2023. — № 1 (48). — В. 7-26.

<https://doi.org/10.36078/1678945303>

Received: December 20, 2022

Accepted: February 17, 2023

Published: February 20, 2023

Copyright © 2023 by author(s).

This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0).

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Open Access

Аннотация. Цель данной работы заключается в изучении влияния узбекского языка на русский и выявлении изменений, произошедших в русской языковой картине мира под влиянием узбекского языка. Основное содержание исследования составляет анализ речевых единиц, употребляемых в русском языке и появившихся под влиянием узбекского языка. В статье рассмотрены конкретные примеры употребления узбекских слов в произведениях художественной литературы и в разговорной речи. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения и сравнительного анализа. На основе изучения когнитивного, семантического и pragmaticального влияния узбекского языка на русский язык и языковое сознание русских установлено, что узбекский язык оказывает влияние на языковую картину мира людей, проживающих в узбекской среде, и у которых русский язык является родным языком. Заимствованные узбекские слова занимают определенное место в лексическом фонде русского языка. Автору удалось обновить проблематику взаимодействия и взаимовлияния узбекского и русского языков; по итогам исследования автором сделан вывод о том, что существование в пределах одного государства носителей узбекского и русского языков оказало когнитивное, семантическое и pragmaticальное воздействие на русскую языковую картину мира.

Ключевые слова: носитель языка; взаимодействие языков; второй язык; влияние узбекского языка; когнитивное влияние; семантическое влияние; национальная картина мира.

Annotatsiya. Ushbu maqolaning maqsadi o'zbek tilining rus tiliga ta'sirini o'rGANISH va o'zbek tili ta'sirida rus tilining lisoniy manzarasida sodir bo'lgan o'zgarishlarni aniqlashdan iborat. Tadqiqotning asosiy mazmuni rus tilida qo'llanilgan va o'zbek tili ta'sirida paydo bo'lgan nutqiy birliklarni tahlil qilishdan iborat. Maqolada o'zbek tilidagi so'zlarning badiiy asarlarda va so'zlashuv nutqida qo'llanilishiga oid

aniq misollar ko'rib chiqiladi. Tadqiqot davomida kuzatish, umumlashtirish va qiyosiy tahlil usullari qo'llanilgan. O'zbek tilining rus tiliga va ruslarning lisoniy ongiga kognitiv, semantik va pragmatik ta'sirini o'rganish asosida o'zbek tili o'zbek muhitida yashovchi va ona tili rus tili bo'lgan odamlar olamning lisoniy manzarasiga ta'sir ko'rsatishi aniqlandi. Rus tilining leksik fondida o'zbek tilidan o'zlashgan so'zlar ma'lum o'rinni egallaydi. Muallif o'zbek va rus tillarining o'zaro ta'siri va o'zaro ta'siri muammosini yangilashga muvaffaq bo'ldi; tadqiqot natijalariga asoslanib, muallif o'zbek va rus tillarida so'zlashuvchilarining bir davlat doirasida birga yashashi dunyoning rus tilidagi rasmiga kognitiv, semantik va pragmatik ta'sir ko'rsatadi, degan xulosaga keldi.

Kalit so'zlar: ona tili; tillarning o'zaro ta'siri; ikkinchi til; o'zbek tilining ta'siri; kognitiv ta'sir; semantik ta'sir; olamning milliy manzarasi.

Abstract. This work aims to study the influence of the Uzbek language on Russian and to identify the changes that have occurred in the Russian language picture of the world under the influence of the Uzbek language. The main content of the study is the analysis of speech units used in the Russian language that appeared under the influence of the Uzbek language. The article considers specific examples of the use of Uzbek words in works of fiction and everyday speech. Methods of observation, generalization and comparative analysis were applied. Based on the study of the cognitive, semantic and pragmatic influence of the Uzbek language on the Russian language and the linguistic consciousness of Russians, it has been established that the Uzbek language has an impact on the linguistic picture of the world of people living in the Uzbek environment, whose native language is Russian. Borrowed Uzbek words occupy a particular place in the lexical fund of the Russian language. The author managed to update the problem of interaction and mutual influence of the Uzbek and Russian languages; based on the results of the study, the author concluded that the coexistence of speakers of the Uzbek and Russian languages within the same state had a cognitive, semantic and pragmatic impact on the Russian language picture of the world.

Keywords: native speaker; interaction of languages; second language; influence of the Uzbek language; cognitive influence; semantic influence; national picture of the world.

Введение. Вопросы прагматического, когнитивного влияния разных языков на языковую картину мира русского языка были объектом изучения многих монографических исследований, а также презентировались в учебниках и учебных пособиях. В частности, были рассмотрены вопросы языковой личности: культурологический аспект (13), языковой личности в становлении нормы русского литературного языка (5), целостности языковой личности; функционально-прагматический, риторический аспекты (2), динамическое моделирование русской языковой личности (9), проблемы языковой картины мира и системной лексикографии (1), взаимоотношения говорящего и пространства (4, 578–586). Заслуживает внимания и вопрос, касающийся социально-философского аспекта формирования языковой личности (12).

Л. В. Щерба отмечает, что «всякое изучение второго языка ведет к двуязычию, которое бывает двух типов — чистое и смешанное. Чистым оно бывает, когда между ними не устанавливается никаких сравнений, никаких параллелей, когда

перевод с одного языка на другой в сущности невозможен для носителей подобного двуязычия и во всяком случае крайне затруднен. <...> Двуязычие будет смешанным в тех случаях, когда второй язык изучается с постоянной оглядкой на первый, точнее — когда второй язык усваивается через первый» (14, 40).

Значит, существует два вида двуязычия: чистое и смешанное двуязычие. Эти виды двуязычия отличаются наличием единой или отдельной системы ассоциаций. Для изучения данной ситуации на практике нами проведен эксперимент, в котором участвовали учащиеся 8–9 классов. Среди них были ученики, которые являются носителями чистого двуязычия (дома используют узбекский язык, в школе — русский язык) и носителями смешанного двуязычия (получают образование в школе на узбекском или русском языках, дома общаются на узбекском языке с отцом и на русском языке с матерью, или наоборот). В ходе эксперимента нами были использованы два метода определения речевой ассоциации респондентов: индивидуальная беседа и общая дискуссия. В экспериментальном процессе фиксировались показатели индивидуальной и групповой беседы ученика на разные темы с последующим анализом голосовых записей. Результаты анализа и наши общие выводы заключаются в следующем:

1. Доказано наличие двух систем ассоциаций в речи респондента, обучающегося дома на одном языке (узбекском), в школе — на другом языке (русском). В речи носителя чистого двуязычия выяснилось, что при разговоре на одну и ту же тему на русском языке используется отдельная группа слов, в то время как для выражения того же содержания на узбекском языке употребляются другие единицы, т.е. единицы, употребляемые респондентом в речи на русском и узбекском языках не совсем эквивалентны.

2. В речи респондента, говорящего дома на двух языках (узбекском и русском), в школе на одном языке (русском), т.е. в речи носителя смешанного двуязычия наблюдается наличие одной системы ассоциаций речи: по одной и той же теме им используются почти одни и те же языковые единицы как при разговоре на русском языке, так и при ответах на узбекском языке. Единицы их речи по одной и той же теме сходны, хотя абсолютной эквивалентности не наблюдается. При этом фиксируется высокая степень сходства в языковых средствах выражения.

По мнению Е.А. Попковой, даже высокий уровень владения вторым языком не гарантирует совпадения в содержании языкового сознания билингва на втором языке с содержанием языкового сознания его естественного носителя, поскольку «формирование содержания языкового сознания искусственного билингва находится под сильным влиянием родной культуры и языка» (10, 24). Это можем наблюдать в проанализированных ниже текстах художественных произведений и в выводах по ним.

Психологическое доминирование одного языка над другим может быть установлено с помощью тестов разной степени сложности. Можно, например, задаться вопросом о том, какой из

двух языков оказывается более удобным средством для передачи распоряжений, которые должны быть быстро и точно выполнены. Возможна даже такая постановка вопроса: на каком языке двуязычный носитель «думает». Для этого надо проверить, на каком языке он охотнее выдает ассоциации на стимулы, предъявляемые ему вразбивку на обоих языках. С другой стороны, можно придерживаться мнения, что «доминирование» языка представляет собой сложную комбинацию факторов примерно следующего типа. По сравнительному совершенству владения доминирующим языком является тот язык, которым носитель на данном отрезке своей жизни лучше владеет (3, 52–53). Тем не менее влияние второго языка на первый очевидно, особенно в тех единицах, которые, как отмечает У. Вайнрайх, выражают эту культурную особенность.

Основная часть. Проблема двуязычия также находит свое отражение в художественных произведениях, касающихся истории Бухары — города, в котором узбекский и таджикский языки используются как равные по статусу. Доказательством того является содержание одного из подобных произведений: женщина является горожанкой, ее муж приезжает в город и проживает со своей женой и ее матерью. Герой произведения Душан продолжает говорить на своем родном языке. Бабушка мальчика по материнской линии хочет, чтобы ее внук говорил на бухарско-таджикском языке, так как считает родным языком своего внука Амона таджикский. У ребенка, достигшего речевого возраста, возникает проблема с задержкой речи, поскольку дома происходит общение на двух языках. Бабушка считает, что причиной задержки процесса «освоения языка» является двуязычная ситуация в семье. Обратим внимание на отрывок из произведения.

«Может быть, поэтому, когда сверстники его уже разговаривали, он все еще молчал и изредка, по просьбе, произносил не насколько общих для обоих языков слов — мама, папа, брат, бабушка и Душан, уверенный, что поймут его правильно, и папа, говорящий часто по-узбекски, не обидится, не испугается, будет доволен.

— Ну, что с ним делать? — спрашивала мать. — Нет, все! Пора показывать его доктору! ...

— А потом, этот узбекский... Мальчик совсем растерялся, в голове у него все перепуталось. Его материнский — таджикский, он должен слышать только этот язык...

Отец, тоже врач, был более терпелив и сдержан.

— Я знаю, что он не глухонемой ребенок... и надо ждать... Впрочем, — обращал он иронический взгляд в сторону бабушки, — узбекский ему тоже не мешает знать...

— Но ведь сначала один язык, а потом, пожалуйста, другой, — раздраженно отвечала бабушка, затем наклонялась к Душану (сейчас уже сидел во дворе на коврике), давая понять, что более всего ему нужно теперь знать то, что она будет рассказывать, — бесконечно болтливую и назидательную историю...» (11, 14–15).

В качестве объекта изучения влияния узбекского языка на русский язык были выбраны художественные произведения,

принадлежащие русскоязычным писателям узбекской национальности, для которых родным языком является узбекский язык: Тимур Пулатов, Явдат Ильясов. В качестве иллюстративного материала нами использовались также некоторые рекламные тексты, отрывки из устной речи. Наши наблюдения над этими текстами позволили обнаружить явное проявление семантического и когнитивного влияния узбекского языка на русский язык. Ниже проанализируем фрагменты художественных текстов.

«— Смотри-ка ни один лист не шевельнется на винограднике, умру я этой ночью, если не прилетит ветер, — говорила она, собирая снова свой веер, а он ждал, пока не сложится опять полностью картинка на сандале, чтобы полюбоваться хижиной, возле которой растет лотос, птицей собирающей своим длинным клювом нектар из цветка, — знакомым пейзажем» (11, 8).

Выделенное в этом отрывке сочетание образовано под влиянием сочетания *бирор барг шитир эттайди*, употребляемого в узбекском языке в жаркое время дня для обозначения отсутствия ветра и полной неподвижности листвьев. Хотя эта ситуация не носит типичного характера, но все же встречается в тексте данного произведения, что свидетельствует о возможности влияния сложного синтаксического целого одного языка на подобную синтаксическую единицу другого языка.

Наблюдается семантическое влияние узбекского языка на русский язык. Поскольку двуязычные писатели пишут на русском языке, в их русской речи фиксируются единицы, относящиеся к первой языковой культуре. Например:

«Но в один из вечеров, когда бабушка заставляла его слушать (ей казалось, что говорит она благородным литературным языком и что это будет для внука хорошей школой), а он все пытался встать и походить по двору, пришла робко соседка и обратилась за чем-то к бабушке, назвав ее «**тутамулло**», и бабушка встала с улыбкой, чтобы принять гостью». Т. Пулатов отмечает: «“тутамулло” — так бухарские таджики обращаются к старой почтенной женщине, чтобы подчеркнуть ее ученость» (11, 15).

В этом примере форма обращения таджикского языка **тутамулло** осваивается с фонетическим изменением в соответствии с произносительными нормами русского языка. Не вызывает сомнения, что обозначение слова **тутамулло** эквивалентной единицей, имеющейся в русском языке, привело бы к искажению содержания текста. Поэтому писатель, естественно, использует форму обращения на таджикском языке.

В художественных текстах наблюдается когнитивное влияние узбекского языка на русский язык. Проиллюстрировать подобное влияние возможно на примере описания форм узбекского этикета в русском тексте.

«И вправду, оба они не знали до сих пор, как зовут их родителей, отец, когда обращался за чем-то к матери, окликал ее: “Мать Амона...” — ни разу не назвал ее по имени, так же говорила с ним мать, храня в ответ и его имя втайне, и даже когда говорила с бабушкой об отце, то непременно: “**Отец Амона**”, “Об этом надо

посоветоватся с *отцом Амоном*” или “Подождем, когда придет отец Амона...”. Говорили так как будто у них и вовсе не было имен, и если бы не родился Амон, они бы уже никак не назвали друг друга, старались бы не говорить между собой, боясь, что вдруг назовут кого-нибудь по имени и нарушат ужасную тайну всей своей жизни» (11, 22).

В узбекской культуре между супругами считается этикетным обращаться друг к другу не по имени, а при помощи таких слов, как *онаси*, *аяси*, *дадаси*, *дадажониси*. В вышеприведенном тексте наблюдаем, что автор использовал форму обращения (именно бухарскую форму) на своем родном языке *Амоннинг онаси*, *Амоннинг дадаси*.

Подобные формы обращений в художественных текстах наблюдаются в следующих контекстах :

«... по забывчивости громко сказанных слов, как назвал отец мать “*Мастура-ана*” и мать тоже сняла запрет с его имени: “*Равшан-ака*”, и, хотя Душан уже раньше знал эти их имена,казалось ему, что они не подлинные, так назывались родители для повседневной жизни, а подлинные имена свои они не называют даже себе вслух» (11, 70).

«Поразило его еще то, как мать, обращаясь к отцу, называла его не только “*отец Амона*”, скрывая имя, но и “*братьем Равшаном*”, не мужем, а он ее и женой, не “*матерью Амона*”, а “*сестрицей Мастурой*”, хотя все это было очень странно, ибо знал Душан, что сестра не может выйти замуж за брата и нежелательно даже, чтобы брат взял себе в жены кого-нибудь из дальних родственников» (11, 70).

Кроме того, нередки случаи употребления узбекских слов в русском языке. Например, в нижеследующем тексте слово *имом* употреблено в форме *имам*:

«Видя, как он важно вышагивает возле ворот в белой рубашке с наглухо застегнутым в жару воротом, даже взрослые не могли не улыбнуться желанию Душана выделиться, и кто-то назвал его “*маленький имам*” (*имам — духовный наставник*)» (11, 65).

«— Мне стыдно быть братом слабого, — говорил Амон. — Думаешь, мне не обидно слушать, как все кричат, толкая тебя к воротам: “*У маленького имама* зуб шатается, *у маленького имама* штаны лопнули!” Хочешь к нам в компанию?..» (11, 66).

Не вызывает сомнения, что понятия одного языка в речи билингва (в том числе и в художественных текстах) отражаются в другом языке на основе взаимодействия с учетом их отсутствия/наличия.

В качестве примера когнитивного влияния узбекского языка на русский язык можно рассмотреть фразу «*Оғзингизни ширин қилинг*»/«*Подслости рот*» (в значении «*берите сладости*») в содержании проявления уважения к гостю во время приема или трапезы, приглашения к обеду. У узбеков традиционно принято по прибытии к гостю употреблять чай и сладости перед едой или начинать трапезу с небольшого количества сладостей, стоящих на

столе. В русскоязычном тексте наблюдаем употребление одной и той же фразы с некоторыми преобразованиями:

«Желтый сахар в кристаллах на блюде: «*Усладите свой язык*» — тоже был законом и входил в ритуал гостеприимства» (11, 41). Понятно, что в этом примере писатель употребляет словосочетание «*Усладите свой язык*» в значении предложения поесть, стоящего на столе желтого сахара в кристаллах, т.е. «навата».

«— Вы смотрите на наши ворота так, *словно появились они вчера за одну ночь!* Да будет вам известно, что дом наш стоит здесь уже триста лет! И еще будет стоять столько же, *мир ему!* Так что предупредите ваших детей, внуков и правнуку — желаю вам прожить до их рождения, — что здесь тупик, пусть зря не блуждают.

— Но ведь должен же быть проход на соседнюю улицу?!

— Да, но только через наш двор, но двор наш не проходная!» (11, 42).

Единицы, выделенные в вышеприведенном примере, являются результатом когнитивного влияния узбекского языка на русский язык. Сложное сочетание «*словно появились они вчера за одну ночь*» образовано под влиянием сочетания «*бир кечи пайдо бўлиб қолди*». А выражение, выделенное в предложении «*И еще будет стоять столько же, мир ему*» является русским выражением таких значений, как *насиб бўлса, иниоаллоҳ*. Анализируемые художественные произведения написаны на русском языке, являются непереводными. Значит, такие слова и сочетания, как *насиб бўлса, иниоаллоҳ*, оказали когнитивное влияние на русский язык. В сущности, когда текст на русском языке написан русским (одноязычным) писателем, нет необходимости во фразе *мир ему*.

Когнитивное влияние узбекского языка на русский наблюдается и в выражении форм узбекских убеждений в текстах на русском языке. Это можно увидеть в следующем примере:

«Он даже как-то попробовал — а вдруг получится! — удержать на голове два хлебца, только что купленных, но они упали и покатились по плитам, и бабушка, кажется, впервые так зло ударила его по рукам:

— *Поцелуй быстро хлеб и попроси у него прощения, негодный!*
<...>

— *Хлеб нельзя ронять, проси прощения!* — И он поцеловал, хотя был уверен, что целует наверняка те монеты, которые отданы пекарю за хлеб и которые теперь превратились вот в такое наказание для него» (11, 45).

Как известно, для узбеков дорог хлеб, дороги его и крошки: лишний, затвердевший хлеб не выбрасывают на землю, на помойку, крошки не топчут, хлеб, случайно уроненный на землю или его крошки, поднимают с земли и подносят к глазам. В данном отрывке описан этот ритуал. В русском языке появилось подобное выражение, представляющее эту традицию: *поцелуй быстро хлеб и попроси у него прощения*.

У узбекского народа имеется пословица «*Кари билганини пари билмас*». В тексте данного произведения презентируется предложение, образованное под влиянием этой пословицы:

«— Все правда о зарослях, как я говорил.
— Правда? Но откуда ты знаешь?
— Ведь и ангелы не знают того, что знают старики.
Приехали! Добро пожаловать!» (11, 98).

Таким образом, можно утверждать, что народные пословицы также влияют на языковую картину мира.

В художественных текстах наблюдается влияние выражений с переносным значением или эвфемизмом. В узбекском языке вместо *вафот этди* (умер) используется эвфемистическая единица *бўлмай қолди*. В нижеследующем примере можем проследить влияние выражения *бўлмай қолди*, своеобразное узбекскому языковому сознанию, на русскую языковую картину мира :

«Никто не спросил ее ни о чем, братья были так растеряны, ошеломлены, что кажется, не могли своими душами, умом принять и осмысливать огромность, невозможность услышанного “Бабушки не стало”» (11, 108).

Для объяснения процесса похорон покойного либо захоронения тела усопшего в узбекском языке используется единица *чиқарилди*. В приведенном ниже примере слово *вынесли* использовано в переносном значении. Понятно, что тело усопшей был вывезен для захоронения:

«С этим чувством потери Душан въехал в город, издали увидел, что сидят возле их ворот на стульях какие-то люди, а когда проходил мимо и услышал, как сказали тихо теме: “Вынесли”, понял — то, во что тайно верил всю дорогу, надеялся, это чудовищная ошибка, нелепая игра...» (11, 108).

«После смотрин к отцу невесты идет с небольшим подарком *нишан* — отец жениха» (7, 334). В данном примере обращает на себя внимание слово *нишан*. Использование подобных слов встречается редко. Тем не менее это еще раз доказывает необходимость изучения влияния узбекского языка на русский язык.

Изучая тексты художественных произведений на русском языке, мы фиксируем такие характерные для узбекской языковой картины мира слова, как *базар*, *хамам*, *караван*, *мечеть*, *медресе*. Однако употребление данных слов в русской культуре имеет несколько иные значения. В результате в русскоязычной речи узбеков употребляются единицы *базар*, *хамам*, а не *рынок*, *баня*, функция которых одинакова, но языковые характеристики различны.

«Завтра на Агоре, *базарной площади* Афин, состоится большой торг. Невольников разденут догола и выведут на помост. Покупатели станут заглядывать им в рот, испытывать их силу, заставят живой товар бегать и прыгать. Руки вислогубых старииков жадно ощупают пятнадцатилетним девушким груди и бедра» (6, 206).

В художественных текстах наблюдается влияние неверbalных средств узбекского языка на русский язык. Например, узбеки для выражения слова «*нет*», ударяя языком по нёбу, издают звук «*тк*».

Или для выражения неопределенности, согласия используют звук типа «*хм*». Аналогичные невербальные средства узбекского языка наблюдаются и в русской речи:

«— *Хм...* — Дракил хитро прищурил глаз и ухмыльнулся. Вот тебе и молчаливый Феаген! Не наговорил ли командир много лишнего, а? Даже юнцы об этом догадались, — ого, как вытаращили они свои красивые, но глупые глаза! И вздумай Дракил передать кое-кому слова земляка... Толстяк воспрянул духом. Он почувствовал свое превосходство и нагло расхохотался» (6, 216).

В приведенном ниже примере фиксируем предложение «*Ночь на носу*», как выражение содержания «*бурнимнинг остида*»/«*под моим носом*», выражающее в узбекском языке «*яқинда турган нарса*»/«*находящееся что-то поблизости*», «*яқинлашиб келаётган вақт*»/«*приближающееся время*».

«Александр досадливо поморщился.

— Ты не ослеп, старец? *Ночь на носу*.

Парменион смешался (о, змей Тифон бы тебя побрал!), но быстро нашелся» (6, 216).

На протяжении всего отрывка можно наблюдать, что имена героев на узбекском языке встречаются и на русском языке, также возможно, что имя снова будет истолковано по-русски:

«По бокам Александрова шлема отходила пара огромных, изогнутых, зазубренных рогов — символ родства с богом солнца Аммоном, которого египтяне изображали в виде барана. Перс победел и прынул назад. Над рядами сражавшихся прокатился вопль:

— Зулькарнейн!

— Он здесь! —зывающе крикнул сын Филиппа. Он слышал, что варвары дали ему прозвище *Искендер Зулькарнейн — Александр Двурогий*.

— *Искендер Зулькарнейн!* — повторяли азиаты. Трусы повернули коней и бросились бежать. Смелые устремились к Александру, чтобы умереть или обагрить свой меч кровью ненавистного юнана, по злой воле которого вот уже три с половиной года на земле не стихает война» (6, 233).

В русских текстах наблюдается употребление трансформированных узбекских фразеологизмов:

«— *Не спускать глаз!* Удвоить, нет — утроить охрану! Взять под стражу его товарищей! Воинам объявить: Филота покушался на жизнь царя! Чтобы пресечь смуту, выдать каждому всаднику и пехотинцу по пять серебряных драхм! Я вам покажу, дети праха, на что способен Александр!..» (6, 252). В этом примере наблюдается влияние узбекского выражения «*кўздан қочирма*»/«*не упсакай из виду*».

В художественных текстах отмечается использование географических названий, существующих в русской языковой картине мира и одновременно характерных для узбекской языковой картины мира. В лексике русского языка имеются слова, обозначающие событие, явление, предмет, которых нет в русском языке:

«— *Саксаул?* — сказал проводник *каравана* неуверенно.

— Да, пожалуй. Два старых сухих ствола сплелись. А мелкие ветки обломало ветром. Взгляни, отсюда напоминает голую женщину. Бывают же на свете чудеса... <...>

Ну до чего же похожа черная коряга на маленькую нагую женщину. Будто, закрыв глаза и склонив голову, она, замирая, слушает медный звон каравана» (7, 56–57).

В приведенном выше отрывке выделены слова *караван* и *саксаул*. Известно, что понятие *караван* принадлежит культуре азиатских народов. А *саксаул* — растение южного региона, на территории России, на севере, оно не растет. Поэтому в русской языковой картине мира нет лексем, называющих эти понятия. Однако при оформлении речи на русском языке представитель узбекской культуры, безусловно, обращается к существующим предметам и событиям, использует единицы узбекского языка, фонетически адаптируя их к законам русского языка.

Существует отдельная группа слов, оказавших влияние на лексику русского языка — это термины, связанные с религией ислам и историзмы узбекского языка. Далее проанализируем использование, функционирование таких слов в художественном тексте.

«Чего он боится? Перед совестью своей чист Омар. Их свело взаимное влечение. Судьба, можно сказать. Им хорошо вдвоем, — при чем же тут какой-то дурацкий закон? Любовь на земле возникла задолго до правой веры. Она не подчиняется шариату» (7, 323).

«При Фердоуси находился его чтец Абу-Дулаф. Он огласил перед царем посвящение и вступление к «Шахнамэ», и царь как будто остался доволен ими, как и своим визирём» (7, 325).

В данных примерах видим использование слов *шариат*, *визирь* в тексте на русском языке.

«Как бы не вызвать недовольство вышестоящих хорошим отношением к человеку, чем-то не угодившему шаху, султану, эмиру, хакиму, сепахсалару и прочим знатным, дьявол бы их всех унес! Обмельчали братья-стихотворцы...» (7, 326).

«Султан спросил: “Чей это столь чеканный стих, умножающий мужество?” — “Несчастного Абуль-Касима Фердоуси, — ответил визирь Катиб, — который корпел тридцать пять тяжких лет над своей “Шахнамэ”, но так и не получил за нее достойной награды”» (7, 327).

Как видно, русским языком заимствованы такие устаревшие слова, как *шах* (шах), *вазир* (vizir), *султон* (султан), *сипоҳсолор* (полководец, военачальник), *хон* (хан), *амир* (эмир), *ҳаким* (ученый, мыслитель; мудрец) и др. Причина такого заимствования заключается в более точном бытоописании народа. Ряд таких слов можно продолжить названиями профессий. Такие слова, как *сарроф* (меняла), *ҳоким* (хаким, мэр), *султон* (султан), выделенные в нижеследующем тексте, относятся к профессии или должности:

«— Готовь расписку, мошенник! Не сок гранатовый пьешь — кровь мою пьешь. Посидите тут во дворе. Пока я схожу к *саррафу-меняле*, у которого деньги держжу» (7, 358–359).

«Он ушел к *саррафу*, заперев предварительно в доме дверь на замок. Замок, хоть и деревянный, крепкий — и хитрый. Это

внутренний засов. Ключ — палочка с шипами, расположеннымными в определенном порядке, вставляется в щель, скрытую в резных узорах двери. Зубья его попадают в соответствующие отверстия запора и поднимают штифты, после чего, просунув руку в особое оконце, можно отодвинуть засов. Разгадать секрет запора невозможно, ключ к такому замку не подберешь» (7, 359).

«Пиরует во дворце чуть поменьше **хаким** — городской правитель из местных дехкан, богатых землевладельцев. Он верой и правдой служит тюркам. Ибо это выгодно ему. И жмутся поближе к хакиму чиновники всех степеней из коренных грамотных жителей. А так же орава их ненасытных слуг, переписчиков и рассыльных» (7, 362).

«В его руках — арсенал и казна государства, и Алтунташ казался себе чуть ли не равным **султану**. Он сам решает судьбы людей. Судьбу **Ханифе**, например...» (7, 476).

Обилие примеров показывает, что употребление таких слов не случайно и встречается в тексте очень часто.

В качестве следующей группы слов можно указать заимствования, связанные с названиями конкретных предметов. К ним можно отнести предметы домашнего обихода, одежду, продукты питания и растения. Приведем отдельные примеры:

Наблюдается заимствование русским языком названий утвари, представленной в узбекской картине мира:

«Хлопнули по рукам.
— А халат, — спохватилась старуха, — как, будем шить?
— Не надо, — махнул рукой Омар. — Возьми отрез себе. Дарю.
— Вот спасибо! — Старуха живо спрятала отрез в **сундук**» (7, 339).

«Видишь, чем выгодна бедность? — Шейх ткнул носком сандалии книжный **сундучок** с увязанной с ним постелью. — Случится бежать — подхватил весь свой скарб под мышку, и да будет над вами благословение божье! Оставайтесь и беситесь, как знаете. А бегать случается часто. Такой уж век. Не горюй! — воскликнул он, заметив слезы на глазах ученика» (7, 44).

Если обратить внимание, в этих двух примерах используется слово **сандиқ** (сундук), что вполне отражает узбекскую языковую картину мира. Однако в тексте использовано слово **халат** там, где должно быть представлено слово **чопон** или **яктак**. Вероятно, это свидетельствует о территориальном отсутствии влияния узбекского языка на русский язык.

Весьма характерно заимствование русским языком названий одежды, представленной в узбекской культуре:

«Небольшая, стройная, с едва налившейся грудью, в розовом платье и красных **штанишках**, стесняясь повернуться спиной, она, — пылающим лицом к Омару, стыдливо посмеиваясь, — сошла к нему, как богиня с неба. Горячий ветер рвал ей платье, оно трепетало, как пламя» (7, 336).

В данном примере использовано узбекское слово **иштон** (штаны).

Среди группы предметов особое место занимают названия растений. Заимствование таких слов русским языком также явилось объектом нашего внимания. Например:

«— Есть такое растение с благоуханной смолой в жарких краях аравийских. — И сказал, опустив голову: — Знавал я одну... Рейхан. Она и вправду пахла **рейханом**. Слезь. — Он встал, приставил к стене лесенку. — Посмотрим, чем ты пахнешь» (7, 336).

«Крошка выпала. Воробей вспорхнул на ветвь соседской **чинары** и зачирикал, довольный» (7, 337).

Если в приведенных примерах прослеживается заимствование таких слов, как **райхон** (базилик), **чинор** (чинар, платан), то в нижеследующем отрывке в качестве названий различных фруктов и зерновых использованы русские эквиваленты **виноград**, **ячмень**, **гранат**, также использовано узбекское слово **хурмо** (хурма, финик).

«— **Хм...** А корзина винограда?

— Э-э... тоже не знаю.

— Та-ак. А мера ячменного зерна?

— Не знаю.

— А гранаты?

— Не знаю!

— **Хурма?**

— Не знаю!!!

— Соль?!

— Не знаю!!! И чего ты пристал ко мне, о назойливейший из назойливых? — И Омар не преминул дать ему по шее, — это у него не задерживалось» (7, 55).

Часто встречаются заимствования названий продуктов питания. **Кулча нон** (маленькая круглая лепешечка) — продукт, свойственный узбекской культуре. Русские выпекают такие виды хлеба, как **буханка** (буханка нон), **батон**, **багет**. **Лепешка** — это узбекский хлеб. Например, **симит** — это своеобразный турецкий хлеб. Поэтому можно сказать, что слово **лепешка** под влиянием узбекской кухни вошло в активный лексический корпус русского языка.

«Позади Омарова дома жил, как известно, хлебопек. Поэт иногда заходил к нему с улицы, купить горячих **лепешек**. Их пекли в огромной круглой печке, раскалив ее свод огнем изнутри, и десятками, сотнями, румяные, мягкие, выносили на продажу» (7, 331).

«Омара встретил сын хлебопека, старший. Румяный, как лепешка, гладкий, упитанный губошлеп. Даже брюшко у юнца выступает, круглое, как арбуз. Когда успел наесть? Наверное, поглощает за один присест десять лепешек, макая их в густой **каймак...**» (7, 347).

«— Всей душой. — Хамид взял узкогорлый кувшин, налил в чашу темный прозрачный напиток. — **Шербет**. Хотите?

— Потом, потом» (7, 436).

«— Тебе придется отказаться от мяса, — сурово сказал богослов. — Если ты вправду намерен идти к богу нашим путем. И от мяса, и от **шербета**, — а то, я вижу, ты от него дуреешь. Ты

испорченный мальчик, — сокрушенно вздохнул Газали. — В тебе, я чую, так и кипят низкие страсти. От тебя исходит грех...» (7, 438).

В данных примерах в русском языке встречаются такие слова, как *қаймок* (каймақ, сливки), *шарбат* (сок).

Как указано выше, в число заимствований русского языка входили архитектурные наименования, жилища. Рассмотрим следующие контексты:

«Она с удовольствием озирала свой достаток и с замирающим сердцем прикидывала, сколько дирхемов получит зимой за него на базаре» (7, 331).

Или:

«Но сегодня все тянулись друг к другу, перемешались, как на базаре, в шумной веселой толпе: саки, парфяне, хунну, персы, арабы, атропатены и греки, армяне, евреи, индийцы» (8, 195).

«И к тому же — книга. Ее надо писать. Он писатель. Он должен писать! Неужели это непонятно? В бегах в грязных кельях шумных караван-сараев не много сделаешь. Работа над книгой, особенно такой, какую он задумал, требует тишины, обстоятельности, полной свободы и душевного равновесия» (7, 350).

«Отделившись от каравана, они свернули на Фирузгондскую горную дорогу. Влажный твердый путь уходил впереди за черную скалу. И казалось, дорога звенит, слагаясь со всеми своими подъемами, спусками и поворотами в задушевный тихий напев» (7, 12).

Или, например:

«Фарнук провел караван под западной стеной на площадь между дворцом и сокровищницей, справа от которой, под восточной стеной, находились винные склады. Сквозь решетчатые узкие окна дворца, мимо которого медленно брел, звеня бубенцами, утренний караван, таинственно сверкали девичьи глазки, слышался веселый шепот...» (8, 145).

«Учить в мектебе семилетних детей читать, писать и считать — уж на это у всякого хватит ума. Я скажу, чтоб тебе дали должность. Правда, не разбогатеешь, но и без хлеба не будешь сидеть. Последуй моему совету. До лучших времен. Может, — он грустно усмехнулся, — когда-нибудь станешь главным судьей Нишапура — сам будешь брать в икту, что захочешь» (7, 38). В ходе исследования было замечено, что в русском языке используются некоторые понятия, связанные с ритмом азура¹:

«В Табаристане великий поэт написал на Махмуда злую сатиру в сто бейтов — двустший. Шахрияр, опасаясь за голову Фердоуси и за свою, — ведь царь, коль сатира дойдет до него, изыщет способ уничтожить и поэта, и князя, его приютившего, — купил у Фердоуси эту сатиру за сто тысяч дирхемов, то есть по тысяче за каждый бейт, и предал ее огню» (7, 326). Если вновь обратиться к тексту, то можно зафиксировать использование

¹ Аруз — метрическая система стихосложения, основанная на определённом чередовании долгих и кратких слогов, широко применявшаяся в узбекской классической поэзии.

литературоведческого термина — *бейт*. В последующем контексте идет толкование этого термина.

В ходе анализа было отмечено, что многие слова, обозначающие религиозные понятия в текстах на русском языке, возникли под влиянием узбекского языка. Например:

«*Шайтан!* Как только в дело вмешается женщина, считай, оно пропало. Видно, не зря ее называют исчадием ада. Ее, говорят, непускают в рай. Ибо еще неизвестно, имеет ли женщина душу, — о чем уже который век спорит с пеной на губах богословская братия» [Ильясов Я., 1986; 333]. Обычно в русском языке используется слово *дьявол*. В данном примере наблюдается использование слова *шайтон* (черт, дьявол, сатана).

«Где я его возьму? — вопросил уныло Омар пустоту. — Не подарок, — отца, *мир его праху*. И где возьмет его Эль-Мирра? Особый случай» (7, 334). В русском языке, когда вспоминают усопшего, обычно используют выражение «*Пусть земля будет пухом*». Но в этом примере можем увидеть влияние выражения сложного сочетания в узбекском языке «*Оллоҳ раҳмат алласин*».

В большинстве художественных произведений, взятых в качестве объекта исследования, слово «*Бог*» использовано при попытке выражения слова «*Худо*». Но так как писатель был билингвом, в некоторых контекстах встречается выражение «*аллах*». Например:

«И подумала я, да простит меня *аллах*: зачем искать невесту далеко, брать ее со стороны, когда через ограду, в соседнем дворе, живет девица на выданье? Вот и пришла посмотреть, разузнать, закинуть словечко...» (7, 341).

«Толстуха, жена пекаря, вернулась к вечеру с другой толстухой, женой *имама* *квартальной мечети*» (7, 342).

«Соблазнилась! Квартал-то бедный. Он — в той части Ниишапура, где, в отличие от городского центра с его большими усадьбами, просторными садами, бассейнами, высокими *медресе и мечетями*, жуткая скученность и невзрачность. Где, как писал один арабский географ, “в людях... грубость, в их головах — легкомыслие; нет изящества и учтивости, нет красивых *мечетей*. Улицы захламлены, *базары* запущены. Бани грязные, лавки убогие, стены неровные”» (7, 342).

В вышеперечисленных примерах широко использована религиозная лексика: *имам, мечеть, медресе*.

«“*Шайтан вас носит*, — негодовала она в душе. — На весь день сорвали мне работу”.

— Он безбожник, — строго молвила *хатун-бий* — ученая женщина. Ученой она называлась по мужу-*имаму*, сама не умела ни читать, ни писать. Но память у нее была хорошей. Без этого не проживешь”. — “И, может быть, вы”, — произнесла она нараспев стих из *корана*, — ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо, и может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло, — поистине, *аллах* знает, а вы не знаете!” Омар Хайям — зло для вас, о сестра. Не к лицу честной мусульманке родниться с таким человеком. Да и

не человек он вовсе! Он сам шайтан, язычник, поэт беспутный. Все женщины квартала перестанут с вами здороваться» (7, 343).

В данном отрывке наблюдается использование таких единиц религиозной лексики, как *имам*, *коран*, *аллах*, *сатана*. Интересно использование выражения *шайтан вас носит*, появившегося под влиянием такого синтаксического единства, как *сизни шайтон йўлдан урди*.

«... Омар не молился. Шейх и мальчик вернулись в жилье.

— Где тут *кабла*? — спросил Газали, стараясь определить сторону, в которой находилась Кааба, храм в Мекке, куда мусульманину следует обращаться с молитвой.

— *Кааба*? — сказал Хамид. — Я знаю, где она. Стена с окном — на севере; с нишами, выходит, на юге. Молись в юго-западный угол, там и есть Кааба...

— Становись рядом, — приказал богослов» (7, 441).

В этом примере используются понятия *кабла* (кибла), *кааба* (каъба).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что понятия, отражающие религиозное содержание, требуют именно этих слов, чтобы адекватно реальности выразить мысль на русском языке. Двуязычная личность использует наиболее удобную единицу для выражения содержания.

Влияние узбекской языковой картины мира на русский язык проявляется также и в таких ситуациях, как мольба, прошение, просьба об отпущении грехов к Творцу. Например:

«— *A-ах... аллах!*

Стражи схватили бродягу, оттащить его прочь. Произошло замешательство. Визирь повернулся спиной к этой стороне толпы...» (7, 450).

«— *Безграничел аллах в своих милостях!* — ликовал Ибрахим в дороге. — Небывалый нынче хурдад (месяц май). В иной год в эту пору трава уже выгорает, деревья густо заносит пылью, — встряхнешь, — с головою накроет. А сейчас? Каждую ночь гроза и ливень, днем солнце сверкает. Воздух чист, всюду свежая зелень» (7, 12).

«— *Ради аллаха!* — крикнул кто-то богобоязненный. Но скоморох, испытующе, с умыслом помедлив, твердо произнес:

— Ради самого себя» (7, 21–22).

«Может, не зря вопрошал хмельной старичик Мохамед в Баге-Санге: «*Во имя бога* — это во благо тому, кто верит в бога? Или — во зло?»» (7, 30).

Вышеуказанные примеры являются обращениями, мольбой, используемыми представителями исламской религии. Выделенные единицы образовались в результате когнитивного воздействия на русский язык таких структур, как *Аллоҳнинг марҳамати кенг*, *Аллоҳ ҳақи*, *Аллоҳнинг номи ила бошлайман*.

В анализируемых текстах встречаются даже оскорбительные слова, возникшие под влиянием одной языковой картины мира на другую.

«— Да-а? — изумился Омар. Он сперва опешил от неожиданности. Затем, догадавшись, что эти тоже чем-то причастны к его отношениям с Эль-Миррой, яростно стиснул свои крепкие челюсти. Он мог бы одним ударом пробить наглецу пустой его череп! Эх, нельзя. И Омар, сдержавшись, сказал сквозь зубы: — Ладно. Я пойду на базар и за один трехфельсовый хлебец уплачу нарочно целый динар. — Он сунул монету под нос юному пекарю. — И ты будешь в убытке, *ишак*. Золотой динар! Ты такой в руках никогда не держал. Я же их прокутил сто тысяч...» (7, 347).

В узбекском языке слово *ишак* (ишак, осел) иногда используется как оскорбительное. Приведенная выше речевая ситуация показывает, что в данном контексте слово *ишак* не использовано в своем прямом значении: не обозначает животное. Значит, в этом тексте слово *ишак* приобрело pragматический характер и означает оскорблениe.

Так как объектом нашего исследования является исторический роман, то в этих текстах встречаются и исторические единицы измерения:

«Сапоги и шаровары везли за ним два *фарсанга*, почти до Буруна. Он оделся и обулся на берегу — и до самой Бухары ни разу не натянул поводьев...» (7, 375).

В узбекском языке имеется такая мера длины, как *фарсах*, *фарсанг*, *тоши*, *газ*. В анализируемом тексте используется одно из них — *фарсанг*.

Существует отдельная группа единиц, оказавших pragматическое влияние на русскую языковую картину мира, — это восклицания и формы обращений.

«Первым движением было вцепиться в собственные космы и завопить на весь квартал: “*Вой дод!* Смотрите, о мусульмане, что творится у нас”» (7, 332).

Мы не можем указывать на использование выделенного восклицания в этом примере в качестве типичного случая словоупотребления. Однако оно вполне может служить иллюстративным материалом.

В русском языке можем наблюдать возгласы, которыми окликают, выгоняют. Как правило, они используются в том же значении, что и в узбекском языке. Например:

«Из родника всплыла вторая красная роза и третья. Чудо! Видно, где-то вверх по ручью...

— Эй!

Омар огляделся — пусто во дворе.

— Я тут, — тихий шепот сверху» (7, 335).

Узбекское восклицание «Эх» («эх»), употребляемое в значении сожаления, жалости, может быть использовано в русском тексте в том же значении:

«— Эх, братец! Вот его-то и не было никогда...

Сафар проводил соседа чуть ли не с ненавистью» (7, 368).

«Работать сегодня поэт не сможет. Эх, носит вас! Омар с досадой бросил перо. Беспокойство гнало его на улицу» (7, 448).

«Опять непонятно, о чьих и каких действиях речь, за кого — и против кого.

Эх, пакость!..» (7, 457).

Узбекское слово «*Уф*» в значении недовольства, протеста в русском языке также выражает это значение:

«Султан, весь в глине, вылез из дыры.

— Уф! Чуть не задохнулся.

— Государь словно в бой снарядился, — удивленно взглянул Омар на его голубой островерхий шлем» (7, 478).

Звук «*Хм*», выражающий одобрение или неопределенность, употребляется в русском языке в том же значении:

«Через него ты и достанешь свои “Семь роз”. И сорвешь за них одну розу...

— Хм-м, — промычал Алтунташ.

Он прошел, не взглянув, мимо подкупленных евнухов. Внизу, во дворе, раздался его властный голос...» (7, 475).

«Эх-хе-хе! Все то же. Что же тут нового по сравнению с основным положением о боге как творце мира? Та же вера в пророческую миссию Мохамеда, уважение к «нерукотворному» корану и шариату...

Дальше: “Познание бога разумом... невозможно”.

Хм. А я-то, бедный, всю жизнь выше всего на свете ставил разум и воображал, тупой человек, что для него нет ничего недоступного. Но, коль скоро это не так, то как вы советуете нам, почтенный, познать божество?» (7, 481).

Восклицание «*Ox*» («ох»), выражающее удивление, боль, страх, встречается и в русском тексте:

«Ему открыла Эль-Мирра. Испугалась: “*Ox!*” — и убежала. К Омару вышла хозяйка» (7, 338).

Или, например:

«Мимо прошло, звеня ножными браслетами, некое стройное диво в чадре. По легкому шагу и гибкому стану определил Омар — молодая. Поэт не выдержал:

— *Ox! Ox*, до чего же статна! Но лицом, должно быть, безобразна, а то б не скрывала его под чадрой.

Она обернулась, на миг откинула чадру, — и Омар обомлел, увидев прекрасные, гневно-веселые очи. Н-да-а...» (7, 359).

Восклицание «*O!*», выражающее радость, восхищение, в русском тексте может употребляться в том же значении, что и в узбекском языке. Например:

«— Тот... как его, — смущился купчик, — знаменитый... неудачник... пьяный звездочет... — Он боязливо оглянулся и тихо произнес короткое имя.

— *O?!* — воскликнул потрясенный священнослужитель. — Кто бы мог подумать...» (7, 9).

Восклицание «э-э», выражающее недовольство, протест, также употребляется в том же значении, что и в узбекском языке:

«— Э-э... — У туркмена лоб вспотел. Ощущив в ногах внезапную слабость, он присел на курточки, пораженный не столько смыслом

стиха, оглашенного бледным мальчиком, сколько самим мальчиком, его смелостью, памятью и сообразительностью» (7, 16).

Вместо слова «*нет*» узбеки могут издавать звук щелчка языком по небу. Такого невербального средства выражения в русском языке не существует. Но под влиянием узбекского языка у русских, проживающих в Узбекистане, сложилась такая традиция. Это также можно наблюдать в художественных произведениях:

«— *Не люблю. Терпеть не могу, когда кости грызут, салом губы и щеки мажут.*

— *Ну? А что же ты любишь, родной?*

— *Молоко.*

— *Кхм! Оно, конечно, полезно. И я когда-то любил его пить. Но теперь у меня от молока бурчит в животе...*» (7, 18).

Заключение. Таким образом, узбекский язык, несомненно, оказывает влияние на языковую картину мира узбекистанцев, для которых русский язык является родным языком. Такое влияние пронизывает все языковые уровни и, соответственно, включает лексические единицы, как правило, с фонетическими изменениями, в структуру предложений с некоторыми трансформациями. Влияние второго языка на первый наблюдается особенно в тех единицах, которые выражают культурную особенность того или иного народа.

На основе изучения когнитивного, семантического и прагматического влияния узбекского языка на русский язык установлено, что заимствованные узбекские слова занимают определенное место в лексическом фонде русского языка, отражают практически все сферы человеческой деятельности (историю, быт и нравы, традиции, профессии, этикет, религию и т.д.). Формирование содержания языкового сознания носителя языка находится прежде всего под непосредственным влиянием родной культуры и языка.

Использованная литература

1. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 912.
2. Базалук Е.И. Целостность языковой личности: функционально-прагматический и риторический аспекты. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2010. — 21 с.
3. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Выпуск 6. Языковые контакты. — М.: Прогресс, 1972. — С. 52-53.
4. Гак В.Г. Человек в языке. Говорящий и пространство ситуации. Языковое поведение // В.Г. Гак. Языковые преобразования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — С. 578-586.
5. Иванова Е.Н. Языковая личность в условиях формирования норм русского литературного языка (первая половина ХVIII века). На примере писем и распоряжений А.Н. Демидова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2008. — 18 с.
6. Ильясов Я. Согдиана. — Т.: Мехнат, 1985. 687 с.
7. Ильясов Я. Заклинатель змей; Башня молчания: Повести. — Т.: Издательство литературы и искусства, 1986. — 496 с.
8. Ильясов Я. Месть Анахиты: Повести. — М.: Советский писатель, 1990. — 576 с.

9. Оленёв С.В. Динамическое моделирование русской языковой личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2006. — 23 с.
10. Попкова Е.А. Психолингвистические особенности языкового сознания билингвов (на материале русско-английского учебного билингвизма). Дис. ... канд. филол. наук. — М., 2002. — 24 с.
11. Пулатов Т. Страсти бухарского дома. — Т.: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1987. — 544 с.
12. Сахарова А.В. Формирование языковой личности: социально-философский аспект. Дис. ... канд. филос. наук. — Иваново, 2017. — 180 с.
13. Тхорик В.И. Языковая личность: культурологический аспект. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Краснодар, 2000. 43.
14. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 432.

References

1. Apresjan, Ju.D. (2006), *Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija* (Linguistic Picture of the World and Systemic Lexicography), Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur, 912 p. (In Russian).
2. Bazaluk, E.I. (2010), *Celostnost' jazykovoj lichnosti: funkcionarno-pragmatischeeskij i ritoricheskij aspekty* (The Integrity of the Linguistic Personality: Functional-Pragmatic and Rhetorical Aspects), extended abstract of candidate thesis, Stavropol', 21 p. (In Russian).
3. Vajnrajh, U. (1972), *Novoe v lingvistike, Odnojazychie i mnogojazychie* (Monolingualism and Multilingualism. New in linguistics, Issue 6. Language contacts), Moscow, Progress, pp. 52-53. (In Russian).
4. Gak, V.G. (1998), *Chelovek v jazyke, Govorjashhij i prostranstvo situacii, Jazykovoe povedenie* (Man in language. The speaker and the space of the situation. Linguistic behavior), Moscow, Shkola "Jazyki russkoj kul'tury", pp. 578-586. (In Russian).
5. Ivanova, E.N. (2008), *Jazykovaja lichnost' v uslovijah formirovaniya norm russkogo literaturnogo jazyka (pervaja polovina XVIII veka)*, Na primere pisem i rasporjazhenij A.N. Demidova (Linguistic Personality in the Conditions of the Formation of the Norms of the Russian Literary Language (the First Half of the 18th Century), extended abstract of candidate thesis, Ekaterinburg, 18 p. (In Russian).
6. Il'jasov, Ja. (1985), *Sogdiana* (Sogdiana), Tashkent, Mehnat, 687 p. (In Russian).
7. Il'jasov, Ja. (1986), *Zaklinatel' zmej; Bashnja molchanija: Povesti*, (Snake Charmer; Tower of Silence: Tales), Tashkent, Izdatel'stvo literature i iskusstva, 496 p. (In Russian).
8. Il'jasov, Ja. (1990). *Mest' Anahity: Povesti*, (Revenge of Anahita: Tales), Moscow, Sovetskij pisatel', 576 p. (In Russian).
9. Oleniov, S.V. (2006), *Dinamicheskoe modelirovanie russkoj jazykovoj lichnosti* (Dynamic Modeling of the Russian Language Personality), extended abstract of candidate thesis, Kemerovo, 23 p. (In Russian).
10. Popkova, E.A. (2002), *Psiholingvisticheskie osobennosti jazykovogo soznanija bilingvov (na materiale russko-anglijskogo uchebnogo bilingvizma)*(Psycholinguistic Features of the Linguistic Consciousness of

- Bilinguals (on the basis of Russian-English Educational Bilingualism), extended abstract of candidate thesis, Moscow, 24 p. (In Russian).
11. Pulatov, T. (1987), *Strasti buharskogo doma* (Passion of the Bukhara House), Tashkent: Izdatel'stvo literatury i iskusstva imeni Gafura Guljama, 544 p. (In Russian).
 12. Saharova, A.V. (2017), *Formirovanie jazykovoj lichnosti: social'no-filosofskij aspekt* (Formation of a Linguistic Personality: Socio-Philosophical Aspect), candidate's thesis, Ivanovo, 180 p. (In Russian).
 13. Thorik, V.I. (2000), *Jazykovaja lichnost': kul'turologicheskij aspekt* (Linguistic Personality: Cultural Aspect), extended abstract of doctor's thesis, Krasnodar, 43 p. (In Russian).
 14. Shherba, L.V. (2004), *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'*, (Language System and Speech Activity), Moscow, Editorial URSS, 432 p. (In Russian).